
Анна Фалентова

Сонина болѣзнь

Анна Фалентова

Сони́на болезнь

<https://litres.ru/74487318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятилетняя Соня болеет гриппом. Ее мать — Лена — делает все, чтобы дочь поправилась. И все, что остается, — быть рядом.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сони́на бо́лезнь

Рассказ

Недавно появилась туча ласточек, и они дважды врезались в оконные стекла. Почему-то они были полны решимости свить гнездо прямо над ее окнами. Краска была скользкой, и ее пятилетняя дочка боялась, что гнездо может упасть.

Она уже прикидывала, как объяснит начальству, что ей нужен отгул — ребенка-то она растила одна. Они прожили в браке четыре года; у обоих были довольно интересные профессии. Он работал в лаборатории, изучая насекомых под микроскопом. Она же рассматривала картины через лупу, выискивая следы реставрации и определяя художественные стили; особенно она ценила широкие мазки — за то, как они отбрасывали тень, за их скульптурную выразительность и за то, как живо кисть касалась холста. Он редко читал дочке сказки на ночь и никогда не стирал свой лабораторный халат, из-за чего от него часто исходил неприятный запах. В итоге они развелись.

Ранним утром девочка крепко спала и не слышала этого постукивания. Ее сон часто прерывался из-за кашля или сильного жара, и мать неизменно спешила к ней, чтобы успокоить и дать лекарство. Круглые настенные часы показывали семь утра; они медленно тикали, словно маршируя — та-

кой звук, какой можно было услышать в мультфильмах, когда начинается жуткий момент. Но мама была рядом, так что бояться было нечего. Она двигалась осторожно, стараясь ни на что не наткнуться; было темно, потому что шторы были задернуты, и все предметы в комнате стояли неподвижно.

«Бедная Соня», — думала она. Соня сбросила одеяло и заворочалась; ее босые пальцы ног цеплялись за складки простыни. Наклонившись к ней, она поцеловала ее горячий, влажный лоб, на который упала прядь волос. Она включила лампу на прикроватной тумбочке, где стояли стакан воды и маленький заводной цыпленок. Она ласково погладила ее по плечу:

— Соня... — прошептала мать. — Просыпайся, я поставлю тебе градусник. Она открыла глаза — мутные, блестящие — и посмотрела словно сквозь мать, а не на нее; затем все расплылось в тумане. В свете лампы лицо матери казалось ярким пятном, похожим на дрожащий огонек свечи. Соня начала отворачиваться и всхлипнула. Она резко встряхнула градусник и поставила его дочери под мышку; легла рядом и крепко обняла ее, чтобы градусник не выскользнул. А когда она вынула, посмотрела, до какой отметки дошла серебристая линия, и внимательно взглянула на дочь, словно не веря цифре. «Ах, нет, там намного выше», — подумала она.

— Ты уйдешь, а кто со мной будет? — неожиданно сказала Соня тихим голосом.

— Папа. Но только к обеду.

— Дай руку, я нарисую, а ты угадаешь.

Мать отвернулась, монотонно мурлыкая какую-то мелодию. Соня пальцем вывела на ладони завиток, а затем — еще один, выходящий из первого, хотя и менее ровный.

— Ты поняла?

— Буква «Л», — произнесла она, поневоле широко улыбаясь.

— Потому что ты — Лена, — прошептала Соня и закрыла глаза. У нее были белесые ресницы, напоминавшие зазубренные края розовых листиков. Лена предложила ей позавтракать, и та равнодушно согласилась. Она приготовила Со-не молочный суп и кормила ее с ложечки, но та с трудом глотала, и из ее глаз и носа потекло, и Соня стала руками вытирать их.

— Как... Как я буду? — Соня принялась теребить пояс маминого халата.

— О чем ты? — Лена поставила тарелку на комод. К горлу подступал большой шар, ей захотелось вырвать его и выбросить, но она не могла.

— Я буду опять одна.

— Котенок, я, увы, по-другому не могу. Папа придет к обеду... Я как только вернусь, зайду к тебе. Давай так?

Соня уснула. Перед уходом Лена поцеловала дочь в щеку; та, поежившись, от озноба с головой укрылась одеялом. Она тихонько затворила дверцу детской, постояла, облокотившись о стену, и ушла к себе. В спальне Лены красова-

лась на полке туалетная вода, купленная ею когда-то давно: флакон из граненого стекла с бирюзовой крышечкой. Машинально она поднесла пыльный флакон к запястью, но вместо легкого облачка из него вытекла мутноватая струйка, оставив на коже лишь маслянистую каплю. Лена растерла ее и вдохнула аромат — он оказался кисловатым. «Какая прелесть...» — подумала она, покачав головой.

Сквозь листву берез и осин слабо проглядывало небо; в дальнем конце аллеи виднелась фигура Лены — ее серое пальто, — а в повседневных разговорах прохожих слышалась тревожная нотка: «Ох, и боюсь я за нее!» — и ответ: «Я тоже». «Удивительно, как меняется погода», — думалось ей, покуда шла. И в самом деле: зимой солнечный свет ложился на снег, дома и деревья, подобно сливочному маслу. Но с приходом весны небо становится, как ей кажется, серым, унылым, и все вокруг словно ускользает — снег на дорогах и полях тает, растекаясь каплями, как пролитое молоко, остается лишь впитаться в землю — в знак прощания.

Лена пришла в музей и вошла в свой кабинет: у окна стоял огромный массивный стол с темной столешницей, выцветшей в тех местах, где она опиралась локтями во время письма; над ним висел список экспонатов, нуждающихся в реставрации; вдоль стен тянулись высокие, до самого потолка, шкафы со стеклянными дверцами. Она опустила сумку на стул, переложила лупу ближе к стопке бумаг (те вечно мешалась под локтем) и только потом заметила на столе репро-

дукцию.

Это было произведение почти фотографического реализма, изображавшее крестьянских сестер, возвращавшихся домой (младшая, видать, утомилась после прогулки или работы и старшая заботливо везет ее «на закорках»), чьи взгляды устремлены прямо на зрителя, в то время как сквозь их фигуры просвечивает небо. В стиле реализма мазки кисти неразличимы; все крестьянки на картинах художника — удивительно чистенькие и фарфоровые. «Образцы уютной нищеты, — шепнула Лена. — Но какая прелестная девочка у старшей на спине — почти как моя Соня!» Как же ей хотелось поскорее вернуться домой, засыпать лицо дочки поцелуями, крепко прижать ее к себе, гладить и перебирать ее рыжевато-русые волосы. Эта девочка — пахнущая размоленным в молоке печеньем и чем-то до боли родным — была многоценна. «Жизнь без Сони совершенно несносна, — думала она. — У меня появилась идея... увезти ее на лето к морю, в лиловеющую даль... словно я какая-нибудь разбойница».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.